

Эти чертовы ботинки! Старые и разваливающиеся, они усложняли каждый мой шаг и очередное касание подошвы с землей сопровождалось острой болью. В лопнувшие мозоли попадал песок через дыры в старой коже, заставляя меня сдерживать слезы.

Но я бежал. Еще бы... Когда за спиной вопят: «С*ка, ж*пу порву этому мелкому воришке!» и “А я руки оторву да на ужин сварю!» — остановиться было бы величайшей глупостью. Уж лучше мозоли и покалеченные ступни, чем надруганный зад и руки в кипящей воде.

Мелких воришек не жалуют. Их убивают другие воры, те воры, что в законе. Те воры, что отобрали кусок мяса у какого-то крестьянина в виде дани, а затем внаглую стали продавать его на прилавках. И в результате продали его тому же крестьянину, что, умирая с голоду, продал дочь.

Воровать приходится. Солнце с каждым годом жжёт всё сильнее и жарче, а значит – каждый год наш крохотный участочек даёт всё меньше урожая. А уж с тех пор, как мама стала болеть, всё и вовсе плачевно. Сестру я продавать не хочу.

Впервые я украл два года назад – тогда мне исполнилось тринадцать лет. Это было... страшно. Сердце стучит, руки дрожат. И лишь острое чувство голода говорит: надо, другого выбора нет. Ведь я понимал, что то же самое испытывают и мои родные. А я, как единственный мужчина, должен быть добытчиком. И добывать придется доступными мне путями.

Тогда я не знал, что будет, если меня поймают? Отрубят руку? Или сразу голову? Я не очень разбирался в законах посёлка.

Теперь, спустя два года, я знал, что на первый раз пойманному вору положена порка – очень хорошо знал и помнил это! – а на второй его просто продают в рабство первым попавшимся кочевникам, когда те приезжают в посёлок за товаром.

Конечно, я попадался больше двух раз. Но в самый первый меня – тогда ещё совсем мальчишку – просто пожалел продавец, увидев в моих глазах настоящий голод и испуг. Во второй раз этого не случилось, и я получил заслуженную порку – плетью по спине, двадцать пять ударов, на глазах у всей площади.

В третий раз... вот третий раз был самым необычным. Меня спас Нило. Я бежал, петляя по занесённым песком улочкам – так же, как сейчас, почти не надеясь оторваться – когда неожиданно меня втащили в переулок, зажали рот рукой и втолкнули в дверь.

Помнится, тогда я испугался его больше, чем своих преследователей. Но только поначалу, пока не разобрался.

Да!.. Разумеется, я был не единственным вором в посёлке, но Нило по сравнению со всеми остальными – просто чародей. Я верил, что он способен снять с человека штаны так, что тот и не заметит.

А сейчас я бежал — Нило больше нет, помощи ждать неоткуда. Его недавно продали в рабство гномам, этим чёртовым пустынным крысам, когда поймали на третьей краже. Не смотря на своё мастерство, он промышлял черным делом куда в большей мере, чем я! Так что рано или поздно его должны были поймать.

Но, черт! И ведь мне тоже это грозит! Не только разорванный зад и отварные руки, но и рабство. У ср*ных гномов, в пустыне. До конца дней.

Но не это меня больше всего пугало. Мать и сестра — что будет с ними? Я не смогу дальше жить, представляя, как сестра на коленях прислуживает какой-то богатой свинье. Так что я просто обязан сбежать. Я не могу повторить судьбу Нила, в отличие от него — мне есть, что терять.

Спасение забрезжило, когда я увидел в конце улицы старый Храм Творца. Оторваться не было ни шанса — преследователи были уже за три метра от меня. Чёрт бы побрал эту старую обувь... Но стены Храма спасут меня — главное добежать. Но зато все знали древний закон, оставшийся ещё с незапамятных времён: любой, укrywшийся в Храме, не может быть арестован, пока не покинет его стены. Стражники не посмеют его нарушить; слишком суеверный у нас народ.

Я взлетел на древние каменные ступеньки и рванул на себя проржавевшую дверь. С тех пор, как наступила эра песка и солнца, старых Богов стали забывать, и храм стал практически заброшенным.

Конечно, это временная передышка, но... я что-нибудь придумаю.

- Эй! — ревет кто-то из стражников барона, взбегая за мной на крыльцо. — Остановись! Стой, мелкий сучёныш, или...

Но я уже внутри.

- Пошли вон! — кричу я. — По законам никто не может быть арестован в Храме Творца!

- К чёрту старые законы, — стражник пытается меня схватить, но второй удерживает его за плечо.

- Не стоит, Ватор, — качает он головой. — Старый или нет, с Творцом шутить не стоит.

- Ты хочешь его так оставить? — фыркает в усы Ватор.

- Брось, — его напарник усмехается. — Куда он денется? Отсюда только один выход.

Они выходят наружу, и дверь захлопывается. Я остаюсь в прохладном полумраке.

Спасся? Или это только временная передышка? Когда сбитое дыхание слегка успокоилось, я прошёлся по храму. Когда-то давно, в детстве, я был тут с мамой. Вера в старых богов ушла не сразу, а постепенно.

Но когда знакомая жизнь разваливается на глазах, когда горят города и засыхают цветущие рощи – старые боги тоже забываются. Я не знал, во что верят там, за пределами посёлка – мы здесь просто потеряли какие-либо следы религии и жили одним днём.

У меня в руках по-прежнему оставалась причина этой погони и моего возможного ареста – три апельсина и буханка грубого хлеба. Я положил их на скамью, а сам пошёл вперёд, ближе к высокому, резному алтарю.

Тот изображал Бога-Творца в виде могучего существа, чьи руки и волосы переходили в ветки деревьев. Смешно... деревьев больше нет. И кустов. И травы. Я едва помню, как всё это выглядит. То, что всё же растёт – жёлтое, сухое и очень скудное.

В груди у Бога-Творца мерцает кристалл. Вот он – зелёный; этот цвет напоминает мне о настоящей зелени, которую я видел когда-то, в раннем детстве. Этот кристалл... он словно гипнотизирует меня, приковывает взгляд. Я протянул к нему руку...

И помотал головой. Нет, нельзя. Всё же должны быть какие-то границы. Бог-Творец, неважно, существует он на самом деле или нет, приютил меня.

Но камень мерцает. Я уже не могу сопротивляться наваждению. Притянув скамью поближе к алтарю, я забираюсь на её спинку и накрываю кристалл ладонью.

А дальше – негромкое шипение, треск, и тот сам вываливается мне в руку, будто статуя хотела отдать его мне.

Я в оцепенении смотрю на кристалл в своей руке. Зачем он мне? Что я буду с ним делать? Продать?

- Ты был первым, - раздалось слова за моей спиной. От неожиданности я вздрогнул – и, выйдя из оцепенения, едва не рухнул вниз, но в последний момент ухватился за ветку-рог статуи.

- Кто здесь? - я не сказал это громко, а прошептал, даже боясь оборачиваться.

- Ты был первым за три года, кто зашёл в мой храм.

Его храм? Это священник?

- Нууу, да, - пробормотал я, осторожно спускаясь со скамьи, чтобы не рухнуть снова. - В посёлке никто давно не ходит сюда.

- Не в посёлке, дитя, - произнёс всё тот же голос. - Во всём мире. Три года мои храмы стояли пустыми.

Я обернулся и... ну да, на последней фразе мне, наверное, следовало догадаться. Рядом со мной, в огромном столпе зелёного сияния, раскинулась фигура. Расплывчатая, очень бледная, будто не до конца появившаяся в нашем мире. Но в ней безошибочно угадывал тот, чью статую я только что обокрал.

- Бог-Творец! - ахнул я. Наверное, следовало бы упасть на колени, но я не мог шевельнуться. - Прости, я не хотел воровать камень...

- Ты его не воровал, - фигура повела ветвистой головой. - Я дал его тебе. Я знал, что это когда-нибудь случится, что рано или поздно мои храмы опустеют. Поэтому я создал кристалл. Если ни один из моих алтарей не посещается в течение трёх лет - он ждёт первого же человека, который войдёт в храм.

- Кристалл появился тут, когда я вошёл?! - ужаснулся я.

- Именно так, дитя. Кристалл заставил тебя взять его и тем самым пробудить меня. Если люди забыли меня, значит, я должен сам вновь пройти по зелёному миру, созданному мной, - в голосе Творца зазвучала торжественность и немножко пафоса, - и напомнить им о том, кто я есть!..

- Эээ... - я машинально спрятал кристалл в карман и почесал в затылке. - Прости, о Творец... но вот с зелёным миром будет проблемка. Видишь ли - его больше нет.

<http://tl.rulate.ru/book/17770/366246>